
I. СТАТЬИ

Л.В. СКВОРЦОВ

ДВИЖЕНИЕ К ПАСТОРАЛИ: «РЕАЛЬНОСТЬ» УТОПИИ?

Мы живем точно в сне
неразгаданном,
На одной из удобных
планет...
Много есть, чего вовсе не
надо нам,
А того, что нам хочется, нет...
Игорь Северянин. Странно...

Трактовку понятия «пастораль» обычно связывают с жанровой разновидностью литературы, ориентирующейся на идиллический мир сельской жизни, на нравственную чистоту человеческих отношений, рациональность простых потребностей и вкусов. Само понятие «пастораль» (*pastoralis* – пастушеский) содержит в себе отчетливую ориентацию образа жизни, который считается идеальным, но недостижимым путем к гармонии отношений **между человеком и природой, человеком и другим человеком.**

Человек в своих *грез*ах может посредством движения сознания реализовать себя в гармоничных отношениях со средой и в этом представлении видеть указатель пути к истинному социуму. В коллективном сопереживании потенциальной гармонии заключается психологический «базис» литературы пасторали.

Античность, эпоха Возрождения, Просвещение рождают литературу, в которой возникают специфические жанровые особенности пасторали как пути достижения счастья в простых формах

жизни. Двигаясь навстречу природе, человек открывает самого себя, свою подлинную сущность, которая оказывается «потерянной» в искусственных хитросплетениях светской жизни. Эта тенденция продолжает действовать вплоть до эпохи Просвещения, т.е. до начала триумфального шествия техники, создающей новый комфортный человеку мир. Гармония возникает и становится все более очевидной как раз в «искусственном мире». И чем более сложной становится техника, тем более удобным и комфортным становится для человека мир, который она формирует. Наступает эра крушения романтических иллюзий вообще и пасторальных иллюзий в частности, наступает эра научно-технического реализма.

Духовная волна пасторального жанра кажется затухающей под воздействием идеализации *Техники* как панацеиного механизма решения социальных проблем. Путь прогресса техники заменяет собой путь Пасторали.

Как альфа и омега Прогресса, Техника позволяет видеть историю в ее целостности. Образно ее этапы можно представить в типах поведения – от жизни вооруженного примитивными орудиями человека в первозданной природной среде, которого описал Даниэль Дефо, создав образ Робинзона Крузо, до технических гигантов фантастических романов Герберта Уэллса в ситуации войны миров.

Теперь оказывается возможной и такая философия истории, которая предугадывает ее **конечную цель**. Если общество на совершенной технической основе становится способным решать любые социальные проблемы, то оно обречено воспроизводить себя в возникших константах. На самом деле переход к каким-либо новым общественным формациям утратит свой цивилизационный смысл, ибо всякое качественное изменение в этом случае будет означать *регресс*, а не *прогресс*.

Таким образом, чем больше человек освобождается от своей «естественной» основы, тем свободнее он становится; свобода выражается в *окончательном господстве над природой*. И это завершающий нокаут для «естественного человека», которого идеализировал Жан Жак Руссо, а вместе с тем – и для всей идеологии пасторали.

1. Конец пасторали?

Если техника и технология – это средство решения любых социальных проблем, то гармония человека со средой переходит в искусственно создаваемый человеком мир, оставляя Природу *за пределами* этого мира: природа выносится «за скобки» истины человеческого бытия. Разумеется, речь не идет о том, что человек перестал нуждаться в Природе. Однако Природа перестает быть целью в себе, утрачивает смысл самодостаточной прекрасной реальности. За ней сохраняется утилитарный смысл **источника ресурсов**. Таким образом, происходит смещение смыслов. Человек начинает видеть подлинность смысла своей жизни не в контакте с Природой, **а в деловой активности, абсолютной свободе своей самореализации через посредство Техники**.

XX век – это век футуризма, движения к экстремальным целям, которые воспринимались как реальные, хотя и содержащие в себе определенный риск. Для реализации экстремальных целей человек стремится «преодолеть» границы своей природы и стать **сверхчеловеком**. Цели сверхчеловека несовместимы с идеалами пасторали.

Философия сверхчеловека, оказавшая влияние на российское самосознание, сыграла роковую роль в отношении цивилизационной идеи пасторали, получившей в практике российской жизни свою реализацию. Это – идея органического слияния Природы и Культуры, нашедшая свое эмпирическое воплощение в *помещичьей усадьбе*.

Как сказал поэт,
«...Здесь, где всё так элегично...
Мысль с природой гармонична...
Здесь, где веянием культуры
Не всколышены ракиты...
Здесь идеи не убиты...»
(Игорь Северянин. Гатчинская мельница)

Жизнь в усадьбе – это не пастушеская жизнь на лоне природы, не монашеский скит, не сочетание естественного человека с природой как таковой, а концептуально обоснованное и практиче-

ски достигнутое *слияние природы и культуры*. Для «нормального» человека – это предел мечтаний, «парадиз», но не для всех, а для избранных, для тех, кто был приобщен к философии и имел материальные, в том числе и человеческие, предпосылки для искусственного / естественного создания идиллического мира и его поддержания в действующем состоянии. Сентиментальная литература в России отражала реальную ситуацию жизни. И при всей своей ограниченности этот опыт имел универсальное цивилизационное значение: гармония человека и природы как «парадиз» – это не выдумка фантазеров, а проект, который может получить эмпирическое воплощение.

Так что же такое пастораль?

Продукт литературного воображения или цивилизационная реальность?

В пасторали имеются черты того и другого, но ее действительная сущность в качестве составляющей цивилизационной жизни может быть определена как *цивилизационное намерение*. В этом определении выражена противоречивость пасторали как *когнитологического образа, влияющего на формы общественного настроения и поведения*.

Образ пасторали претерпевает изменения. Вместе с тем ему исторически противопоставляется своеобразный контрапункт цивилизационной жизни. «Парадизу», основанному на слиянии природы и культуры, исторически противостоит созданная социалистами утопия, основанная на идее технической организации *коллективной жизни в «фаланге»*. Единение труда и техники становилось базисом общей истины жизни. Природа здесь обретала свою ценность постольку, поскольку человек мог *потребить* ее. Идея общества потребления в качестве идеала в конечном счете получает легитимацию как на социалистической, так и на капиталистической основе. Этот идеал может быть практически реализован как *закономерное следствие неограниченности* технического прогресса и его воздействия на природу. Как казалось, такой подход оправдан и морально – с точки зрения истории отношений человека и природы. Для человека окружающая природа исторически заключала в себе *угрозу*. Преодоление или в крайнем случае ограничение этой угрозы достигалось с помощью *Техники*. Техника – это безусловно надежный «друг человека». Вместе с тем

XX век, век кумулятивного прогресса техники, породил *эпистемический шок*. Он был вызван высшими достижениями науки и техники, и прежде всего созданием атомной и водородной бомб. Над цивилизацией нависла реальная угроза самоуничтожения. При этом с помощью «лучшего друга» человека – Техники.

Образ братской могилы цивилизации порождает скрытую тенденцию возврата к **сакрализации Природы**. Это – если и не отречение, то определенный скептицизм в отношении предназначения сверхчеловека. Сверхчеловек хорош для мультипликации. В реальной жизни наблюдается тенденция идеализации естественной сущности человека, его органического слияния с Природой, признания ее непреходящей ценности. Практическим проявлением этой тенденции в России стало возникшее и все нарастающее движение «дачников». Суть движения – новая социальная форма слияния природы и культуры.

Конечно, дача – это не «парадиз» помещичьей усадьбы. Тем не менее в ней оживала идея слияния природы и культуры *как пути к достижимой практической истине жизни*. Дача в своей реализации отставала от лучших образцов помещичьей усадьбы. Однако в своей социальной сущности она стала очевидным движением в сторону *потенциального «парадиза» для всех*. Советский человек, осознавая себя в связке с Природой ее составной частью, обретал истинную стратегию жизни. Но можно ли утверждать, что наблюдаемые сдвиги в самосознании определенных групп населения указывают путь к идеалам пасторали как истинной конечной цели цивилизационной эволюции? Не являются ли эти сдвиги простым рецидивом тех настроений, которые возникали на переломе XIX и XX вв.?

Н.Т. Пахсарьян отмечает, что «рубеж XIX–XX столетий был как раз временем необычайного всплеска пасторальной тематики во всех видах искусства»¹, что не могло не оказывать влияния на общественное самосознание. И вместе с тем этот поворот нес в себе ощущение явной «ненормальности», что со всей очевидностью проявилось в произведениях писателей-символистов Хуана Рамона Хименеса «Платеро и я» (1914) и Андре Жида «Пастораль-

---

¹ Пахсарьян Н.Т. Избранные статьи о французской литературе. – Днепропетровск: Арт-Пресс, 2010. – С. 125.

ная симфония» (1919)¹. Носитель пасторальной идеи в произведении Хименеса воспринимается окружающим миром как «помешанный», ведущий разговоры с осликом, ощущающий органическую связь с животными, с деревенскими дурачками, проявляющий в своем поведении тип некоего «идиотизма», юродства. Героиня «Пасторальной симфонии» А. Жида Гертруда оказывается *слепой* с безличным и тупым выражением лица, в котором проявлялись своего рода святость, библейская слепота безгрешного существа. Сам А. Жид писал, что пасторальная симфония – «это критика определенной формы лжи человека самому себе»².

Восприятие пасторальной симфонии как «лжи самому себе» на фоне прогресса техники и формирования потребительского парадиза вполне объяснимо. Возникающая тенденция сакрализации природы подталкивает к формированию нового взгляда на технику, к коррекции цивилизационных намерений. Для того чтобы «пасторальная ложь» вновь стала восприниматься как «истина жизни», необходимо было прожить XX век, увидеть технику в ее экстремальных проявлениях.

Отречься от техники было уже невозможно; но казалось возможным *изменить главную цель* техники. Главная цель техники могла быть определена как *совершенствование природы, формирование единства, гармонии отношений человека с природой*, где и человек и природа выступают по отношению друг к другу как равноправные партнеры. Правильность этого взгляда, казалось бы, подтверждалась видимым стремлением животных установить контакт с человеком, найти форму взаимополезного синтеза с ним. Проявлением такой воли обычно считается «странное» поведение дельфинов.

Если распространить это представление и на другие явления природы, то человек должен увидеть в природных объектах не объекты своего одностороннего воздействия, а *субъектов*, имеющих цель в себе. Это – цивилизационное намерение, которое подталкивает к возрождению новых форм пасторали.

---

¹ Пахсарьян Н.Т. Избранные статьи о французской литературе. – Днепропетровск: Арт-Пресс, 2010. – С. 126.

² См.: там же. – С. 130–131.

Как представляется, именно переосмысление главных целей техники, нахождение философских границ ее применения может устранить угрозы, возникающие из неограниченности ее применения, и очевидно, что одной из таких границ как раз может стать отношение к природе как равному субъекту, а значит, партнеру человека.

С позиций философии пасторали коммуникация со средой формируется как «*взаимное понимание*», необходимое для того, чтобы ответное действие среды не имело разрушительного характера. Исходным философским принципом здесь становится *принцип равенства*. В бытовом выражении он звучит так: «Как аукнется, так и откликнется». Это значит, что человек должен вести себя так, как будто бы среда *оценивает* его действия и выбирает в зависимости от этого ответную форму поведения. Это представление обретает определенную фактическую предпосылку.

Но значит ли это, что принцип равенства должен распространяться на *любые* феномены природы? Не ведет ли такое распространение к возникновению абсурдных ситуаций?

Так, если человек начинает относиться к *крысам* как равным субъектам, то он, учитывая механизм размножения крыс, делает свою квартиру непригодной для **человеческого** жилья. Стало быть, истина пасторали – в таком синтезе природы и культуры, в такой селекции техники и природы, которая создает цивилизационный мир, образующий **гармонию с человеком**, его сущностными качествами. Значит, *современная пастораль* – это форма антропоцентризма, контрапунктом которой становится псевдопастораль. Различение пасторали и псевдопасторали связано с толкованием типов *коммуникации*.

Современная цивилизация характеризуется возникновением **качественно новых типов коммуникаций**. Человек вступает в специфические осмысленные отношения с миром машин и миром домашних животных. Это придает новое качество самой проблеме установления гармоничных отношений со средой. Возникающий дефицит сочувствия и взаимопонимания в человеческих отношениях находит своеобразную компенсацию и в технике и в природе. Человек оказывается между двумя формами квазисознания: квазисознания все более сложных и все более «умных» информационных машин и все более адаптированных к человеку живых организмов.

Человека начинает окружать неизведанный и непривычный для него мир различных форм квазисознания.

Современная пастораль не только литературный жанр и не буколическая поэзия, восхваляющая прелести сельской жизни, это и не идиллия быта простых людей, их пребывания среди сельской природы. Это – необходимая для современного человека *часть* его образа жизни, своеобразный контрапункт стрессовой ситуации мегаполиса, отсутствия чистой природы и искренности человеческих отношений. Соответственно, понятие «пастораль» должно наполняться современным цивилизационным смыслом. Однако этого не происходит, поскольку доминирует **инерция** цивилизационной эволюции.

Новые типы коммуникации реализуются через *индивидуальные* формы поведения.

Движение к новой пасторали носит «шрапнельный» характер. То есть каждый индивид здесь идет своим путем. Соответственно, общие черты находят специфическую индивидуальную самореализацию, и вместе с тем эта самореализация обретает **массовые** формы. Массовый характер приобретает включение индивида в коммуникацию «со всем миром» через Интернет. Это – специфическая форма обнаружения гармонии посредством квазисоциализации. «Другой» в этой форме коммуникации приобретает характер **информационного образа**, с которым можно вступать в «открытое» общение, свободное от нравственных и правовых ограничений. Здесь лежит источник глубинных социально-психологических сдвигов, происходящих в современном обществе. Эти сдвиги имеют амбивалентный смысл. В реальной жизни человек оказывается под прессом обостряющихся межличностных отношений. Реальные формы социализации становятся все более затруднительными.

Социализация в Сети субъективно воспринимается как **коммуникационная гармония**.

Новые формы приобретает и современное сближение человека с природой.

Движение к пасторали здесь совпадает с массовым физическим перемещением из мегаполисов в пригороды, из многоэтажных домов, в которых соседи не знают друг друга, в дома комфортные и **соразмерные самому человеку**, позволяющие

устанавливать постоянные формы общения и взаимопомощи с соседями. Человек начинает строить свой образ жизни таким образом, чтобы, «погружаясь» в природу, освободить себя от часовых стояний в пробках на автостраде, от негативного воздействия смога, от постоянной толчеи в супермаркетах, от ожесточения и постоянных столкновений с другими людьми, от перебранок, от искусственной политкорректности, сдерживания искреннего выражения чувств.

Обострение неудовлетворенной потребности в сочувствии, т.е. совместном переживании обстоятельств жизни, неполная компенсация этой потребности в общении с животным порождают кумулятивное накопление тенденций к *аутизму*, замыканию в себе. На уровне подсознания человек ищет *сочувствия* у природы, и таким образом он освобождается из «тюремной камеры» своего аутизма. Обострение проблемы аутизма следует рассматривать в контексте эволюции информационно-технического базиса современного общества. Эта эволюция совершенно по-новому ставит проблемы межличностной коммуникации. Межличностная коммуникация «скрепляет» цивилизацию на *микроуровне*. Исторически «цементом» межличностной коммуникации служили вечные ценности – *любовь, дружба, верность*, – которые диктовали видение в «другом» *цель в себе, абсолютную ценность*. Эрозия вечных ценностей, происходящая под доминирующим влиянием секулярной ментальности, рождает иное видение «другого» – как *средство*, и только как *средство*, достижения *своих* целей.

Этот сдвиг вносит в межличностную коммуникацию **двойной смысл**: видимость отношений не соответствует их сущности.

Подлинность коммуникации переносится на отношения человека с природой и в сферу машинной коммуникации.

И здесь возникают две ключевые прагматические проблемы: *как должен вести себя человек, чтобы сохранить природу* как основание подлинности коммуникационных отношений; и *какова судьба специфики человека как субъекта* в структурах машинных коммуникаций. Своеобразный ракурс рассмотрения проблема коммуникации приобрела в условиях климатического сдвига.

2. Судьба пасторали в условиях климатического сдвига

Если климатические изменения, происходящие на Земле, создадут такие природные условия, при которых жизнь человека окажется невозможной, то тогда утрачивают смысл рассуждения о пасторали как истинной цивилизационной ориентации. Специфическая форма пасторали как реальности современного образа жизни возможна лишь в условиях относительной климатической стабильности. Потенциальная возможность нарушения климатической стабильности существует. И в этом смысле человек находится в состоянии отложенной на время угрозы («suspense»). Поскольку человек длительное время находится в ситуации относительной климатической стабильности, то он забывает об этой потенциальной угрозе, вытесняет ее из своего сознания, ведет «нормальный» образ жизни, выполняя свои повседневные функции.

XXI век вносит в эту ситуацию свои коррективы. Климатическая стабильность заметно нарушается не только локально, но и глобально.

При этом вырисовалась ключевая проблема, решение которой предопределяет характер цивилизационных ориентаций: следует ли рассматривать климатические сдвиги следствием независимых от человека космологических изменений или они являются результатом практической, производственной активности самого человека?

В последнем случае переосмысление и изменение целей производственной активности, ее механизмов может оказать решающее влияние на стабилизацию цивилизационной эволюции. Философия пасторали в этом может сыграть далеко не последнюю роль. Из индивидуальной она превращается в общую цивилизационную ориентацию со своими специфическими императивами.

Кажущаяся «неподъемность» подчинения производственной активности человека новым императивам подталкивает к созданию проектов цивилизации, в которой существование человека не является обязательным. Нет человека как субъекта цивилизации, нет и необходимости в следовании новым императивам. Но как возможна «цивилизация» без человека?

Это – цивилизация андроидов, обладающих интеллектуальными способностями выше человеческих, способных выживать в различных, в том числе и экстремальных, климатических условиях.

Если считается возможной такая перспектива, то она оказывается продуктом философского построения, находящегося **за** человеческими пределами, вне сфер человеческих ценностей и эмоций. Вместе с тем «испаряется» и феномен пасторали, поскольку пастораль – это не природа вообще, а такое ее соединение с человеком, которое является условием сохранности его жизни и комфортности бытия. Для анроида эта ориентация не существует. Обнажается и принципиальный смысл пасторальной ориентации для **жизни человека**. Сохранность пасторали как цивилизационной ориентации в современной ситуации начинает совпадать с решением проблемы сохранности жизни на планете. Не случайно происходящие климатические изменения оказываются проблемой № 1 и попадают в повестку дня международных межправительственных конференций и совещаний. На этих конференциях и совещаниях рассматривались два гипотетических вывода социальной теории.

Первый вывод касается **первопричины** происходящих климатических изменений: являются ли они результатом глобальной деятельности *человека* или же они происходят по своим естественным законам, не зависящим от его реальной практики?

Второй вывод касается фатальности климатических сдвигов, и если эта фатальность находит свое подтверждение, то существенным для практики жизни становится вопрос о *темпах* климатических изменений, а значит, и наличия *резерва времени* для адаптации к ним человека.

Межправительственное совещание о климатическом изменении (Intergovernmental Panel on Climate Change – IPCC, 2007) поставило в центр своего внимания эти выводы¹. В этом контексте становится понятным социально-психологический тренд, ведущий к толкованиям пасторали в тех формах, которые соответствуют угрозам современной жизни. С этой позиции пастораль – это не

---

¹ См.: Szerszynski B., Urry J. Changing climates: Introduction // Theory culture and society. – Los Angeles; London; New Delhi; Singapore, 2010. – Vol. 27, N 2–3, March-May. – P. 1.

просто ностальгия по утраченному прошлому и не просто мечта, а практический путь самосохранения человека и новые маршруты его движения к подлинности жизни.

Но разве возможен поворот цивилизации в сторону пасторали, если такой поворот **останавливает современное производство**? Многие ученые признают, что климатические изменения связаны с так называемым «парниковым эффектом», а он в свою очередь определяется выбросом в атмосферу продуктов горения веществ, содержащих *углерод*. Это именно те вещества, на **которых базируются производственная энергетика современной цивилизации**.

Отказ от этой энергетики сегодня – это возврат к первозданной пасторали, к пастушеской жизни, что представляется совершенно неприемлемым. Но переход на качественно новые, незагрязняющие атмосферу виды энергии, создание «постуглеродной» цивилизации *требует времени*. Какой срок отпущен человечеству для такого энергетического перехода, позволяющего избежать климатической катастрофы? Может ли наука дать однозначный ответ на этот вопрос?

Наука в данном случае *не имеет однозначного ответа*. Можно говорить о *трех* различных позициях. Во-первых, существуют *скептики*, которые утверждают, что научные измерения и предсказания относительно *длительных* периодов температурных колебаний весьма несовершенны. Поэтому нельзя с полной определенностью утверждать, что наблюдающиеся климатические колебания определяются именно антропогенными факторами, а не флуктуациями солярной активности. Кое-кто усматривает в искусственном обострении климатической проблемы заинтересованность определенных групп ученых в получении дополнительного щедрого финансирования своих исследовательских программ. В остросюжетной тематике заинтересованы и средства массовой информации.

Если согласиться с этой позицией, то никаких дополнительных усилий и никаких новых стратегий цивилизационной эволюции изобретать не следует. Все идет «своим путем».

Однако факты драматических климатических сдвигов, подчас просто беспрецедентных, рекордных по своим масштабам, подталкивают к скептицизму в отношении самих скептиков.

Если надвигающаяся климатическая катастрофа – это реальность, то она диктует необходимость перехода к *новой онтологии жизни*, ограничивающей экспансию техники определенными пределами. И *здесь проявляется современная функция философии пасторали*. Философия пасторали может сыграть роль пускового механизма для формирования такой онтологии. Вместе с тем возникает вопрос: имеем ли мы дело с *длительными, постепенными* изменениями или следует готовиться к резкому, внезапному *катастрофическому* сдвигу. Как отмечают Бронислав Зержинский и Джон Урри, Межправительственное совещание о климатическом изменении (1990–2007) в принятых четырех докладах подтвердило позицию градуализма и убеждение в том, что современная экономика может приспособиться к климатическим изменениям, так что будущее цивилизации может быть организовано при помощи достаточно точных расчетов и страховки от возможных рисков¹. При этом изменение общественного и личного поведения предполагается достигнуть посредством определенных стимулов. То есть речь идет не о радикальном изменении цивилизационного самосознания, требующем перехода к новой онтологии и новому типу образа жизни, а об использовании системы действующих глобально рыночных механизмов, с тем чтобы обеспечить плавное приспособление экономики и всей общественной жизни к климатическим изменениям и создать страховочные механизмы нейтрализации их негативных последствий. Доклады Межправительственного совещания о климатическом изменении отрицают возможность непредсказуемых крайностей в климатических изменениях.

Позиции градуализма, использование рыночных механизмов подвергаются сомнению сторонниками *катастрофизма*. Сторонники катастрофизма исходят из ограниченности выводов науки и возможности нелинейного и мгновенного изменения климатической ситуации. При этом они отталкиваются от археологических данных. Бронислав Зержинский и Джон Урри ссылаются на выво-

---

¹ См.: Szerszynski B., Urry J. Changing climates: Introduction // Theory culture and society. – Los Angeles; London; New Delhi; Singapore, 2010. – Vol. 27, N 2–3, March-May. – P. 1–2.

ды, к которым приходит Джеймс Лавлок¹. Он полагает, что климатическая система находится в *хрупком равновесии*, из которого ее могут вывести любые, даже кажущиеся незначительными, воздействия, вызывающие ее ответную реакцию. Это формы обратных связей, которые и сегодня действуют в системе. Если мы игнорируем действие этих обратных связей, то можем оказаться перед лицом самых неожиданных природных катаклизмов. Симптомы их действия лежат на поверхности – рост средних годовых температур в Арктике и Антарктике, таяние ледников, уменьшение «вечной мерзлоты», снижение биоразнообразия, рост частоты тропических циклонов, изменение размеров и миграции айсбергов, изменение интенсивности дождей.

В хрупком равновесии системы антропогенный фактор играет возрастающую роль. Философия пасторали, утверждающая приоритет формирования гармонии человека и природы, дает свой ответ на вызовы современной ситуации.

Современная ситуация требует такого нового взгляда на истину образа жизни человека, в котором наряду с техническим, экономическим анализом ситуации присутствует **гуманитарный** анализ, основанный на расшифровке *смысла* истины бытия современного человека. С этим оказывается связанным пересмотр основополагающей установки общества потребления, оправдывающей экономической целесообразностью искусственные потребности, безграничное удовлетворение личного тщеславия и необузданных фантазий. Дурная бесконечность искусственных потребностей в качестве *необходимого фактора* «нормального функционирования» экономики рождает сообщество роскоши гламура, которое рассматривает философию пасторали с ее принципами как духовное убежище «убогих» и «неудачников». Цивилизационный смысл пасторали как простоты, управляемости, понятности и комфорта, независимости от рабства вещной чрезмерности естественно воспринимается не как догма, навязанная социальной доктриной, а как следствие собственного личного опыта, **результат индивидуального** свободного выбора. Фанат гламура «утопает» в вещах, которые определяют горизонт его самосознания и самооценки. Но

---

¹ Lovelock J. The Revenge of Gaia: Why the Earth is fighting back – and how we can still save humanity. – London, 2006.

поскольку он становится рабом вещей, он начинает с ними скрывать войну. В этой войне происходят переосмысление и переоценка простоты. Она начинает восприниматься как «роскошная сущность» свободы.

В этом, собственно, и состоит гуманитарный исходный пункт изменения ненормальности цивилизационного тренда и осмысления новой цивилизационной функции пасторали. Через посредство философии пасторали человек осознает и видит отношение природы *как целого к его бытию*. Природа как целое обращена к человеку, обеспечивая его существование: это совокупность данных стихий – воды, воздуха, земли, животного и растительного мира, которые всегда воспринимались массовым сознанием как нечто *безграничное и неисчерпаемое*. Это безграничное и неисчерпаемое дано *всем, и все могут им пользоваться*. Философия пасторали *разбивает иллюзию безграничности и неисчерпаемости, ориентируя на воспроизводство, на циклический характер отношения человека к природе*. Формирование такого отношения вместе с тем требует решения целого комплекса технологических, экономических, правовых и нравственных проблем, нацеленного на сохранение природы.

Другой стороной этой медали становится формирование научно обоснованного и технологически обеспеченного отношения человека к продуктам своего потребления.

Человек, создавая на основе прогресса техники свои продукты потребления, питался скрытой уверенностью в том, что возникающие отходы всегда будут в конечном счете «растворяться» в природе, ассимилироваться ею таким образом, что вода, воздух и земля будут всегда оставаться пригодными для нормальной жизни.

Ускорение темпов технического прогресса и нарастание масштабов воздействия на окружающую среду производимых человеком отходов выявили новый тренд «ненормальности», а именно: все большее количество производимых человеком отходов «не усваивается» природой. Возникает виртуальная ситуация: человек в видимой перспективе может оказаться на глобальной мусорной свалке. И это – перспектива **всех**, в том числе и немногочисленного сообщества роскоши гламура.

Философия пасторали как ориентир социальной психологии играет роль контрапункта глобальной мусорной свалки. Она воз-

вращает самосознание человека от «химического взгляда» на сущность природы как совокупности элементов, определяющих в своих соединениях свойства молекул, к целостности феноменов природы – воздуха, воды, почвы, которые и обращены к человеку. Именно с этими целостностями природы вступают во взаимодействие все народы и все общественные классы. Поэтому философия пасторали оказывается составляющей *глобального самосознания*.

Особенностью глобального самосознания, признающего философию пасторали, становится понимание целостности жизни как сложной системы, каждая часть которой выполняет свою функцию. Исчезновение даже какой-то одной части может представлять угрозу **для всей системы жизни**. Кажущееся «незначительным» в системе жизни может выполнять какую-то ключевую роль. Вот почему необходимо столь внимательное отношение к каждой составляющей живой природы.

Характерно, что в ноябре 2010 г. в Санкт-Петербурге состоялся международный форум, на котором на государственном уровне обсуждалась проблема спасения исчезающей популяции тигров. Это – симптом того, что имплицитно формируется тенденция выработки практического отношения к *Жизни как феномену Целого*, в которое включен человек. С осознанием практического смысла этой проблемы России пришлось столкнуться в условиях климатического шока.

3. Климатический шок в России: Цивилизационные выводы

Современная Россия практически столкнулась с проблемой пасторали в ее драматической форме летом 2010 г. Это – феномен **рекордной жары**, которая вызвала страшную **засуху** в Поволжье и в других регионах страны, уничтожила урожай земледельцев, поставив многих мелких фермеров на грань полного разорения.

Помимо засухи мы получили феномен природных пожаров, охвативших более 20 регионов страны, приведших к гибели целых поселений и даже человеческим жертвам.

Природа как целое перестала входить в поле зрения частных интересов, которые стали доминирующими. В итоге произошло ослабление внимания к сохранности природы.

Другим аспектом этой проблемы оказалась эрозия идентичности граждан. Как следствие такой эрозии **индивид перестает видеть себя в «другом»**, что влечет за собой исчезновение реальной основы общих нравственных и правовых принципов. Эти принципы из постоянно действующих мотивов поведения превращаются в «пустые слова». В итоге человек в своем отношении к природе видит *только свой, частный интерес*. Это и порождает феномен потребительского отношения к Природе. Природа как сакральное целое исчезает из поля зрения человека.

Десакрализация природы неизбежно вызывает изменения типа цивилизационного поведения людей. Десакрализация природы эпохи перестройки и реформ имела ту особенность, что превращала природу в средство хищнического потребления и ускоренного личного обогащения, не знающего границ. Такой подход к Природе делал предвосхищающий тип поведения лишенным смысла. Смысл обретал специфический, «причинно-следственный» тип поведения: нужно в отношениях с природой делать то, что приносит наибольшие деньги здесь и сейчас.

Потребительское отношение к Природе является следствием десакрализации двух фундаментальных целостностей: *семьи и страны*.

Такая десакрализация вытекает из абсолютизации индивидуальной свободы как реализации присущих человеку страстей. Этот процесс, получивший характер эпидемии в 90-е годы XX в. в России, поставил под угрозу стабильность российской цивилизации. Вместе с тем серьезными последствиями «аукнулось» и пренебрежение сохранностью целостности Природы.

Какую роль должна была сыграть философия пасторали, если бы она служила основанием экологической ментальности?

Практический смысл философии пасторали состоит в формировании предвосхищающей формы цивилизационного поведения. Это означает умение видеть виртуальную реальность и способность создавать практические механизмы нейтрализации тех угроз, которые возникают, когда виртуальная реальность становится действительностью.

Предвосхищающие формы социального поведения в России сложились на основе опыта засухи и голода в Поволжье в 90-е го-

ды XIX в., и критической ситуации, возникшей после Гражданской войны.

Из этих ситуаций были сделаны практические выводы. Это касалось создания систем орошения и мелиорации в Поволжье и других регионах, а также систем защиты от возгорания торфяников. Была разработана и реализована система охраны лесов. Все это сопровождалось формированием определенной дисциплины поведения людей.

Современное массовое поведение стало складываться под влиянием панацейного мышления, веры в универсальную силу рынка и рыночных отношений в решении *любых* социальных проблем, идеализации установок индивидуализма. Как показал опыт лета 2010 г., в этом представлении содержались серьезные изъяны. Летом 2010 г. огромная, сильная страна, самоотверженный народ оказались неспособными на начальной стадии, в зародыше нейтрализовать возникающие катастрофические явления. И странным образом, то, что произошло в центральных регионах России, затем повторилось на юге, в Волгоградской области. Выходит, люди даже *не могут извлекать уроки из происходящего на их глазах*. В возникшей ситуации отчетливо проявилась важнейшая функция характера общественного самосознания, которое в 90-е годы минувшего столетия претерпело кардинальные изменения.

Следствием этого стало игнорирование общей цивилизационной дисциплины. Влияние этого фактора *оказалось сопоставимым с влиянием самой природной стихии*. Такие, казалось бы, «мелочи», как разведение костров в лесу и непогашенные сигареты, составляют 90% причин возникавших очагов пожаров.

Другой аспект этой проблемы – это разрушение уже созданных систем орошения и пожарной безопасности, которые сформировались в *советский* период. Все советское по идеологическим мотивам считалось «плохим». Эти явления ставят вопрос: имеем ли мы дело *только с природной* катастрофой? Нельзя не видеть, что неадекватное отношение к Природе является следствием вытеснения цивилизационных ориентаций общественного сознания идеологическими дихотомиями, а также отношения к Природе как к средству потребления, и только как к средству потребления. Эти примитивные формы отношения к Природе и влекут за собой катастрофические последствия. Климатический шок в России над-

ломил веру в истинность традиционных идеологических стратегий. Глобальные тенденции жизни таковы, что то, что мы сегодня воспринимаем как нашу исключительную ситуацию динамики экстремальных изменений, на самом деле шаг за шагом превращается в общую тенденцию жизни.

В условиях глобализации все более отчетливо осознается общность жизни человечества в его отношениях с природой как целым, которое предназначается всем и поэтому требует общности правил поведения.

Фундаментальная цивилизационная истина, действительная для всех эпох, состоит в том, что *каждый человек, все мы, так или иначе живем в «других»*. И от этого закона бытия уйти невозможно. Эта истина как бы предсуществует и *открывается как универсальная истина*. Этот мир, как в свое время отмечал Альфред Вебер, существует вообще для всех людей, и каждая его часть «предназначается всем»¹. Философия жизни, сложившаяся на основе идеологической дихотомии, основана на представлении, что **этот мир предназначается не всем**. Сегодня эта философия сохраняет свою доминирующую роль. Каждый игрок, участвующий в глобальной игре, рассматривает перспективу мира с позиций разгадки извечного ребуса: *для кого* сегодня предназначен этот мир? Доминанты цивилизационной эволюции определяются практической подготовкой к разгадке этого ребуса.

В действительности мира как и в каждой его части изначально не заложена принадлежность определенному субъекту. В этом смысле изначально каждая часть этого мира предназначена *всем*. Но тогда почему каждый игрок, участвующий в глобальной игре, считает, что этот мир предназначен только для *него*? На этот вопрос может быть дан верный ответ лишь с цивилизационной позиции.

Конкретный субъект может заявлять свои права на ту и только на ту часть природы, *которая несет в себе культуру данного субъекта как народа в смене поколений*. То есть это не природа в «первозданном виде», а «природа–культура». И народы должны примириться с этими правами друг друга. В этих правах они рав-

---

¹ Вебер А. Принципиальные замечания к социологии культуры. Антропология. Логика культуры. – М.; СПб., 2009. – С. 585.

ны, а значит, эти права должны закрепляться международным правом и соблюдаться всеми. Нарушение этих прав становится основанием санкций со стороны международного сообщества.

Вместе с тем планета Земля – это естественное целое как часть космической системы, ее водный и воздушный океан – это место обитания всех, а значит, и предмет общей озабоченности.

Современная пастораль – это форма отношения человека к естественному целому планеты и жизни на земле как внутренне взаимосвязанной системе среды, видов животных и растений.

Рассмотрение реалий современной жизни через посредство пасторали ставит современную цивилизацию перед проблемой изменения своих традиционных стратегий жизни. В пасторали как цивилизационной стратегии капитализм и социализм оказываются не конечными целями исторического развития, а лишь техническими приемами решения цивилизационных задач, удерживающими как развитие личной инициативы, так и планомерные действия, нацеленные на сохранение природы и взаимодействие людей в экстремальных ситуациях. Если экстремальная ситуация становится константой жизни цивилизации, то пасторальная ориентация из литературной утопии превращается в философию реальной жизни. Можно с определенным основанием допустить, что будущее истории – это тип творческого взаимодействия человека и природы, порождающий коренную коррекцию целей производства и смысла жизни.

Такая коррекция ставит под сомнение обеспечение ничем не ограниченного роста как абстрактного, так и натурального богатства. Эта кажущаяся для современной ментальности застойной ситуация и порождает колебания в осуществлении экологической политики. Сохранение стимулов специфического экономически ориентированного производства в этой ситуации требует *метаморфозы культуры*, ориентации человека на сохранение Природы в созданных за миллионы лет натуральных образцах жизни. Пастораль, как стратегическая ориентация, возникает как следствие нового понимания достоинства человека, способного видеть в феноменах Природы сакральность жизни. Сегодня общество не имеет *пасторальной доктрины*, дающей научно обоснованные ориентиры движения современного человека к *этой* Истине Бытия. Существует лишь *чувство, настроение*, которое все шире захва-

тывает сознание человека индустриального и постиндустриального мира. И человек стремится находить пути практической реализации этого настроения. Истина пути в условиях современной цивилизации не может быть сведена к настроениям и формам индивидуального «отшельничества».

Пастораль как цивилизационная ориентация предполагает изменения теоретического взгляда на ценностные основания *знания, власти и техники*.

Традиционно они воспринимались как самостоятельные ценностные структуры, как *ценности в себе*, имеющие возможности *неограниченной экспансии*. Через них осуществлялась реализация тех или иных национальных или классовых интересов. Поэтому их мощь наряду с созидательной имела и разрушительную направленность, как разрушение оснований жизни другого.

С ростом разрушительной силы техники под вопросом оказывается не только основание жизни «другого», но и Бытие Природы в той ее форме, которая обеспечивает сохранность жизни вообще и жизни человека в особенности. Власть в этом контексте совпадает со способностью *практической реализации фундаментальных выводов гуманитарного знания*, наличия реальных возможностей и силовых механизмов осуществления осмысленных теоретических целей.

На основе знания должны создаваться виды техники и технологии, имеющие цели установления гармонии отношений человека и природы, совершенствования человека в его контактах с природой. В этом контексте знание, власть и техника оказываются опосредованными и объединенными общими целями, достижение которых требует их взаимного ограничения в системе целого, представляющего собой *онтологию жизни*.

Онтологию жизни можно определять как тот тип современной культуры, который служит навигационной картой, обеспечивающей безопасность движения корабля цивилизации среди опасных «скал» современной политики и ее подводных «рифов». В этом и состоит смысловое содержание пасторали применительно к цивилизационной эволюции.

Ее антиподом становится теоретическая апологетика сохраняющейся инерции, которой придается форма закона «естественной» жизни.

Здесь кажущееся движение вперед по пути прогресса вместе с тем оказывается движением назад, от культуры отношений к отношениям «без культуры».

4. Культура или псевдопастораль?

Закономерно возникает вопрос: как может пастораль выполнять культурную функцию в качестве онтологии жизни? Может ли идея пасторали внушаться с помощью *насилия*, насаждения сверху так, как в России внедрялась культура картофеля? Возможно все. Однако чтобы не превратиться в отвергаемое всеми утопическое мечтание, пастораль должна восприниматься как *творческий стимул*, влияющий на характер производства и образ жизни человека, и определяющий создание конкретных привлекательных образцов, создающих мир реальной жизни реального человека. Эти образцы и формы образа жизни могут выполнять функции навигационных ориентиров. В своей совокупности они образуют «зеркало», в котором человек видит *свой правильный образ*, которому он и должен следовать. В этой реальности пастораль оказывается контрапунктом мира «без культуры», как эмпирически достоверной реальности.

В этом контексте происходит определение смысла жизни через посредство культуры. Культура расшифровывает действительный смысл жизни не как простое эмпирическое существование, тождественное в своей сущности всякому иному существованию, а как некую *противоположность такому существованию*, как соответствие жизни определенному *Смыслу*, который может получать свое выражение в концептуальном *образе*. Смысл заключается в том сформированном культурой *образе*, в котором человек может видеть *истину смысла своей жизни*. Можно выделить *три* таких истинных образа, возникающих в зеркалах культуры.

Первое зеркало античности, в котором парадигма человека предстает как *идеальное создание, образец* которого является *отражением мира языческих богов* как персонифицированных сил природы.

Второе зеркало является контрапунктом первого. Это зеркало — *икона, образ святого, неприродного человека, носителя образа живого Бога и его Крестного пути*.

Третье зеркало создается философией, искусством и литературой как образ *величия человека*, делающего самого себя и не ограниченного в свободе своего самоопределения. В этом образе выражается сакральная *сущность личности*. Своим специфическим образом каждое духовное зеркало выражало онтологию общественной жизни эпохи – Античности, Средневековья и Нового времени.

Авангардная культура XX в. разбила эти три зеркала. Она сделала попытку «реалистически» определить мир человека вне его сакральных образов.

Если мир человека не сакрален, то он представляет собой совокупность физических элементов, тело, состоящее из атомов и молекул, соединенных некими силовыми линиями. Абстракционизм, кубизм представили человеку «суровую правду», истинный образ его сущности, а литература, драматургия и музыка выразили его эмоциональную реакцию на открытие этой «истины жизни». Человек «растворяется» в природе не так, как она предстает в иллюзорных образах его ощущений, а как она предстает в научных представлениях, открывающих микромир и макромир универсума. Такое растворение человека в природе – это *псевдопастораль*, *современная форма редукционизма, имеющего свои цивилизационные последствия*. В цивилизационном контексте человеку нужно было спасти не столько мир атомов и элементарных частиц, сколько именно мир, данный ему в его здоровых ощущениях, т.е. мир, в котором атомы и молекулы образуют прекрасную целостность, являющуюся условием выживания человека. Конечно, взрослый человек – не ребенок, и он хочет знать истину своей жизни. Как определяется эта истина, если следовать логике естественно-научных открытий в области астрофизики и генетики?

Современный человек «вооружен» знанием отдаленной апокалипсической перспективы Солнечной системы и Вселенной. Он вынужден самоопределяться в данном ему *интервале Времени*. И это накладывает отпечаток на логику его рассуждений. Не подводит ли эта «логика» к «истине» пира во время чумы со всеми вытекающими отсюда последствиями? Но разве может эту истину игнорировать гуманитарное знание, навязывая человеку иллюзорное видение реальности Бытия?

Гуманитарное знание, в отличие от естественно-научного знания, открывающего относительность всех явлений физического мира, обнаруживает феномен **абсолютного** в том, что для естественно-научного знания является относительным. В этом открытии и заключается исходный пункт онтологии жизни как императива применения власти и техники. Онтология жизни истинна постольку, поскольку определяет смысл абсолютных ценностей, следование которым обеспечивает сохранность жизни. Абсолютные ценности включают в себя атрибут *вечности* как постоянного условия сохранности жизни. Это – не «дурная бесконечность», а *время жизни*. Во времени жизни и реализуется *бытие человека*, как то тотальное бытие, за пределами которого человек не обнаруживает своего смысла.

Тотальное бытие человека становится объективным основанием истинных ориентаций цивилизационного бытия, а вместе с тем и рефлексии самосознания, обращения человека к оценке собственной деятельности. И здесь философия пасторали начинает наполняться новым смыслом. Когда человек обнаруживает, что его собственная деятельность имеет своим следствием исчезновение многих видов животных и растений, а эти виды составляют *части общей «пирамиды» жизни* как *взаимосвязанной экосистемы*, и эта пирамида, в которую входит и сам человек, может «рухнуть» с непредсказуемыми для жизни последствиями, то он вынужден открытыми глазами смотреть на эту проблему и определять практические формы ее решения. Всегда ли он ведет себя адекватно, когда обнаруживает, что ситуация диктует необходимость *коррекции привычного образа жизни*, сложившихся форм производственной и социальной деятельности? Далеко не всегда.

Особый интерес, естественно, представляет реакция **теории** на возникающие проблемы. Одной из форм такой реакции является когнитивный механизм ухода от неизбежности катастрофической перспективы. *Человек начинает прятаться от себя самого: он «растворяет» себя в природе. Это – вариация псевдопасторали.*

Если пастораль – это *образ гармонии Природы и человека*, то псевдопастораль – это *образ Природы без человека*. Как оказывается, теория может проявлять те же слабости, что и обычный индивид. Это – своеобразная теоретическая хитрость разума, *мимикрия*, которая маскирует человека под природу: человек как бы

говорит природе – «меня нет», «я не субъект», «я – это ты, природа, и *только* природа!» В этом случае кажется, что природа не сможет нанести свой ответный сокрушительный удар по человеку.

Это – форма самообмана. Человек «скрывает» самого себя, подобно тому как камбала «исчезает» на дне морском, обретая его цветовую гамму, гусеница обретает форму сухого сучка дерева.

Псевдопастораль – это новая форма опиума для человека. Психологический наркотик кажется необходимым для того, чтобы стало возможным продолжение жизни в ее прежних формах. Но как быть с «исчезновением» человека? Как можно признать легитимным его «исчезновение» как субъекта?

Если физическая наука допускает, что сущность человека – это совокупность атомов и молекул, то с философской точки зрения можно допустить, что сущность человека определяют исходные принципы специфики его жизни – **трансценденталии**. Именно переоценка этих трансценденталий и позволяет «увидеть» исчезновение человека как специфического субъекта. Свою версию такого исчезновения предлагают Майкл Диллон, профессор Ланкастерского университета, и Луис Лобо-Гуерреро, лектор Кильского университета¹. Они считают себя продолжателями идей Мишеля Фуко.

Анализируя особенности современной цивилизации, ее онтологию, М. Диллон и Л. Лобо-Гуерреро приходят к заключению, что исторически возникшие квазитрансценденталии, формировавшие внутреннюю сущность человека как человека, исчерпали себя. Это – *труд, жизнь в социуме и язык*. Под влиянием научного и информационного прогресса якобы произошла мутация этой триады. Их место теперь замещают другие квазитрансценденталии. Это – *информация, анимация и код*. В этой триаде *индивид перестает фигурировать как особая реальность*. Он присутствует в ней в виде информации и информационных взаимодействий как момент сложных информационных структур. Человек, как информационный элемент, начинает подвергаться цифровой обработке, и в этом виде он и входит в общую статистику. И здесь происхо-

---

¹ См.: Dillon M.; Lobo-Guerrero L. The biopolitical imaginary of species-being // Theory, culture and society. – Los Angeles, 2009. – Vol. 26, N 1, January. – P. 1–23.

дит еще одна метаморфоза человека. Если поведение отдельной личности, в силу ее внутреннего произвола, непредсказуемо, то большие массы индивидов, взятые вместе, подчиняются статистическим законам. Взятый в массу человек, как и другие природные явления, характеризуется отсутствием свободы воли.

Эта тенденция элиминации свободы отдельной личности подкрепляется и генетическими открытиями. Суть человека оказывается заключенной в молекуле ДНК, а не в его духовной сущности как личности.

И это коренным образом меняет взгляд на смысл бытия человека, на его нравственные и правовые ценности. Они теперь кажутся лишь *видимостью*, которая маскирует действительные мотивы поведения человека. Соответственно, находит теоретическое «объяснение» и деструкция исторически возникших зеркал культуры. Они «рухнули» постольку, поскольку формировали лишь *видимость* сущности человека. Однако остается еще *знание*, которое формирует человека в качестве специфического субъекта. Более того, на основе знания действуют и техника и власть. А это те реальные силы, которые выражают сущность человека как субъекта. Но оказывается, и эту реальность можно интерпретировать совершенно по-новому. Диллон и Лобо-Гуерреро считают, что эту реальность может выразить новый набор понятий, в которых исчезает своеобразие человека и сохраняются реалии жизни как таковой. Это – *циркуляция, связность и комплексность*. Очевидно, что эти понятия не обладают исключительной человеческой спецификой. Они выражают свойства более широкой реальности, *взаимодействия элементов, которая поглощает самоопределение человека*. Каким закономерностям подчиняется *эта* реальность? Вот их обобщенная характеристика: чем больше вещей соотносится друг с другом, тем больше их циркуляция; чем больше их взаимных отношений и чем интенсивнее циркуляция, тем более комплексными они становятся. И, наконец, последнее: чем более они взаимосвязаны, чем более они циркулируют и чем более комплексными они становятся, тем больше в них *случайности, неопределенности*.

Мы получили в итоге странный результат: отсутствие свободы, позволяющее подводить действия человека под общие зако-

ны, завершается возникновением ситуации *неопределенности*, т.е. отсутствия общих законов.

Ситуация неопределенности ставит под вопрос цивилизационные функции знания. Этот вывод не может не оказывать влияния и на политику. Он позволяет понять причины злоключений той власти, которая считает основополагающей формулу «власть основывается на знании». Эта формула перестает действовать не только в политической, но и в экономической сфере.

Perpetuum mobile экономической циркуляции переходит в широкий круг *биологической циркуляции и радикальной случайности*, что требует выработки механизмов адаптации к этой ситуации. В силу доминирующего влияния радикальной случайности нельзя определить перспективу. Но это значит, что необходим переход от стратегического видения реальности к *ситуационному типу мышления*. Вся стратегия пасторали, основанная на долгосрочном прогнозировании, оказывается за бортом ситуационного типа мышления. Непрерывная динамика ситуаций создает новые угрозы и новые риски, требует мгновенных ориентаций и мгновенных практических адаптаций к ситуациям. Человек не может предвосхищать то, как он будет себя вести в новых ситуациях.

Новые риски, угрозы и страхи определяют и образ жизни, а критерием успеха становится способность к оперативной адаптации к динамизму ситуаций. Вся структура гуманитарного знания, коль скоро она основывается на универсалиях разума и императивной морали, требует коренной реконструкции. На самом деле, в ситуациях постоянно сменяющихся рисков и неожиданно возникающих угроз и страхов становится невозможным руководствоваться вечными ценностями, принципами универсального разума и категорическим императивом морали. Они утрачивают свою направляющую силу. Но вместе с тем это означает исчезновение человека как нравственной и правовой личности.

Эта позиция кажется оправданной в силу гипертрофии возникающих угроз и отсутствия безопасности. Поэтому является оправданным и *приоритет выживания* перед возрастающей вероятностью угроз, тогда как моральные качества личности представляются неким «балластом», от которого необходимо освободиться. Принципы гуманитарного знания в нравственной и правовой сферах начинают терять психологическую почву в сфере общественной науки.

Соответственно, функция науки видится в том, чтобы давать новый список глобальных и локальных проблем, а вместе с тем глобальных и локальных союзов, ассоциаций, возможностей и реальностей, требующих постоянной готовности к действию в возникающих новых ситуациях. Поскольку в возникающей цивилизационной ситуации в качестве определяющих оказываются *мотивы выживания*, то и формы поведения сближают человека с животным миром. Такое «слияние» с природой оказывается «скачком» назад, через исторический этап цивилизационного прогресса. На этой почве возникает «истина» биологического взгляда на сущность человека, который делает «смешными» высшие духовные качества личности.

Этот биологический взгляд на человека выразил Герман Гессе в стихотворении «*Leicht Betrunkен*», «Слегка подвыпивший», или, как переводит Е.В. Соколова, – «Под мухой»:

О нас же издавна бытует
                                заблужденье,
Мол, мы из теста высшего,
                                иного,
Из-за того-то, может, наше
                                положение
Для нас и горше и
                                смешней смешного¹.

5. Биокультура как глобальная пастораль

Псевдопастораль, нивелирующая сущность человека как субъекта, представляет собой не только теоретическую, но и практическую опасность. *Личность* человека, определяющая его специфику как субъекта, начинает оказывать все более заметное влияние на события цивилизационной жизни. Между тем биополитика легитимизирует свободу от морали, допуская тем самым *субъективность абсолютной личной власти*. Теперь не только природа, но и всякий другой человек может превращаться в «материал».

---

¹ Гессе Г. Кризис. М., 2010. – С. 137.

Абсолютная власть, как принцип, может быть взята на вооружение *любым свободно мыслящим индивидом*. И это происходит сегодня на наших глазах в случаях ничем не мотивированных расстрелов людей «вольными» стрелками, вообразившими себя «сверхчеловеками».

«Сверхчеловек» не признает своей идентичности с «другим», виртуального правового и нравственного тождества, а стало быть, и необходимости следовать универсальным правилам поведения. Это значит, что «сверхчеловек» *не видит смысла в нравственном совершенствовании, в духовной самореализации, в победе над страстями*. Он – очевидный центр мироздания, и его самореализация – это универсальный Закон Бытия. Соответственно, «испаряется» как мираж общий нравственный закон, соединяющий каждого с каждым «другим». Исчезает и необходимость того «другого», который обеспечивает обязательность (нравственную и правовую) соблюдения общего закона.

Легитимизируется качественно иная психология. Характерными симптомами такой психологии являются случаи продажи девушек в сексуальное рабство, использования военнопленных в качестве биоматериала, получения для продажи их органов, что, как стало известно, делалось в Косове с сербами.

Такие формы поведения имплицитно несут в себе свой универсальный принцип, определяющий характер межличностных коммуникаций. Цивилизация, в силу беспрецедентного прогресса науки и техники, достигла такой стадии эволюции, когда человек, получающий доступ к современным научным и техническим достижениям, может начать такую «игру» на планете, в которой возможен джекпот, идентичный полному провалу. Вместе с тем человек, вооруженный всей мощью современной техники, доводит цивилизационную игру до той стадии, когда каждое отдельное убийство себе подобного вместе с тем может стать началом цепной реакции, нарушения гармонии целого, его самодеструкции. Сегодня становится понятным действительный цивилизационный смысл заповеди «не убий».

Судьба человечества начинает определяться постижением глубинных механизмов и нахождением адекватных принципов коммуникации, действительных оснований тождества «я» с «другим». Коммуникация – это универсальное явление; в ней челове-

чество внутренне взаимосвязано. Между тем биополитика, как нахождение механизма достижения успеха за счет другого и интересов целого, влечет за собой *разъединение* субъектов политики, нарушение коммуникации между ними и превращение их в открытых или скрытых соперников и противников. Это делает невозможной гармонизацию их отношения и к природе.

Природа, эволюционировавшая миллионы лет и пришедшая в равновесие, может реагировать на воздействия человека самым неожиданным образом, т.е. прийти в неравновесное состояние. И вызвать это состояние может деятельность человека. Уже сегодня человек начинает все более отчетливо осознавать могущество природы и сил ее обратного реагирования. Сегодня под угрозой оказывается **время** жизни как условие сохранности абсолютных ценностей.

С прогрессом производства пределы, в которых цивилизация может сохранять себя, *сужаются существенным образом*. Производство оказывается вынужденным принимать фундаментальную ориентацию на *воспроизводство Природы как составной части Цивилизации*. Именно такая ориентация и создает предпосылки отведения непосредственной угрозы элиминации времени жизни. Это значит, что биофактор должен включаться в определение составляющих прогресса общества. Такое включение не может основываться на абстрактных пожеланиях и эмоциях. Оно может основываться лишь на выводах фундаментальной науки. Эти выводы должны лежать в основании финансового, материального и кадрового обеспечения планомерной гармонизации жизни и деятельности человека с эволюцией Природы.

Человек оказывается перед необходимостью критической переоценки собственной цивилизационной сущности. Он должен осознавать себя и осмысливать свое поведение в качестве *потенциальной универсалии*, т.е. такой сущности, которая формирует свое позитивное совпадение с «*другим*» не только как человеком, но и как природой. Это совпадение определяет формы адекватного практического поведения, основанные на новой нравственности, выражающей требования *биокультуры*. Основополагающий постулат этой нравственности состоит в требовании создания условий для восстановления потребляемых частей природы. Это – распространение на природу принятого в человеческих отношениях

принципа справедливости. Таким образом, биокультура является расшифровкой феномена «культура–природа» как своеобразного единства противоположностей, в котором современная цивилизация может сохранять себя. Это историческая форма пасторали, проявляющей себя как синхронизация глобального поведения народов, нацеленного на гармонизацию взаимодействия человека и природы. Биокультура – это постоянное, реализующее себя в практической политике и индивидуальных формах поведения, фундаментальное знание и намерение как выражение ставшего общим типа социального настроения.

В своем практическом воплощении биокультура становится составляющей цивилизационного прогресса. Она придает ему специфический характер, не совпадающий ни с законами эволюции животного мира, ни с особенностями культурной эволюции. Неконтролируемое принципами биокультуры применение техники превращает планету в глобальную мусорную свалку, которая возникает как следствие жизнедеятельности человека, производства и использования в быту материалов, которые не ассимилируются природой, загрязнения атмосферы и Мирового океана.

Биокультура – это антипод глобальной мусорной свалки

Биокультура превращает функционирование техники в составную часть стабильности природного кругооборота. Тем самым возникает новая реальность; биокультура становится исходным нравственным основанием, диктующим необходимость коррекции фундаментальных целей производства и применения техники. Как явление парадоксальное биокультура содержит парадокс и своего функционирования: стабилизация природного кругооборота здесь достигается путем прогресса техники.

Императивы биокультуры видоизменяют функции человека как глобального субъекта. В результате такого видоизменения и возможно формирование глобальной пасторали. Глобальная пастораль может полагаться как *конечная цель цивилизационной эволюции*, достижение которой может обеспечить стабильность цивилизационного бытия в интервале времени, отпущенного для сохранения естественных предпосылок жизни на земле. Речь идет

о времени пасторали как *цивилизационной длительности* в том смысле, как об том писал А. Бергсон.

Специфика времени пасторали проявляется через сопоставление различных форм времени в условиях материального производства.

Производство, базирующееся на константных формах конвейерной техники, выдает продукцию пропорционально затраченному времени на ее производство. Увеличение времени функционирования конвейера означает и пропорциональное увеличение выпускаемой продукции.

Равномерно следующие друг за другом интервалы времени соответствуют ритму движения конвейера, на котором создается продукция. Количество созданной продукции здесь находится в соответствии с затраченным временем.

Интенсификация влияния творческих начал на производственный процесс изменяет рисунок влияния времени не только на характер производства, но и на цивилизацию в целом.

Время здесь подразумевает возможность *константности воспроизводства как сохранения гомеостаза природных циклов и стабильности цивилизационного бытия*. Время в данном случае играет роль метафизического фактора длительности. Это – не время движения тела из одной точки пространства в другую его точку и не изменение качественных состояний данного социума, где действует закон отрицания отрицания как времени его жизни, умирания и воспроизводства на новой основе. Эволюция цивилизации включает в себя сохранение *качества* как следствия реализованных в действительной жизни интеллектуальных «взрывов». Интеллектуальные «взрывы» определяют длительность сохранения тех или иных качеств цивилизации. Процесс творчества, феномен открытия включают в себя и элемент *неожиданности*. Поэтому эволюция современной цивилизации может заключать в себе немало парадоксальных явлений. К ним может относиться ряд явлений, обеспечивающих соединение прогресса техники с воспроизводством гомеостаза природных циклов. Вместе с тем формируется *новая иерархия* цивилизационных субъектов как «передовых», «догоняющих» и «отстающих». Технически передовые страны могут оказаться в числе «остающих», если они игнорируют требования биокультуры.

Интеллектуальные «взрывы», меняющие характер производства, создают предпосылки возрастающего влияния константных **идеальных образцов** производимой продукции на формы жизни. Возрастающее влияние идеального фактора наглядно проявляется в ведущей роли *дизайна*, вложения в который могут определять успех материального производства в целом. Изобретательность, утонченность, сложность простых решений – все это качества, характеризующие составляющие *эстетики* современного производства. Достаточно взгляда на современные образцы моды или модели современных автомобилей, чтобы понять ведущую функцию творческого интеллекта в обеспечении успеха технических решений в конкурентных сражениях на мировых рынках. Красота в этой системе жизни не только *спасает*, но и *побеждает* мир.

В конкуренции образцов ведущую роль начинает играть реализация экологических требований. Это открывает возможности нарастающего влияния создаваемых образов на различные, в том числе и материальные аспекты жизни. Образ ведет за собой производство в самых неожиданных направлениях. Не менее парадоксальной кажется ориентация производства на *потенциального потребителя, который оказывается универсальным потребителем, формирующимся процессами глобализации*. И здесь возможны различные, подчас неожиданные проекции будущего. Как, например, изменяются ориентиры производства и рынки, если универсальным образцовым потребителем будет признан обитатель острова Гоа с его минимальными потребностями в одежде, пище и средствах передвижения? Постановка такого вопроса кажется нелепой. Но механизмы современной торговой политики подталкивают к проработке различных, в том числе и самых неожиданных вариантов изменения вкусов потребителя. Видение перспективы дает свои преимущества перед узкой ориентацией на эмпирически данного реального потребителя.

Со всей очевидностью это проявляется в области высокой моды. В сфере высокой моды не потребитель ведет за собой кутюрье и дизайнера, а, напротив, кутюрье и дизайнер ведут за собой массы потребителей.

Очевидно, что биокультура, как глобальная пастораль, требует своих теоретических и политических «кутюрье», способных обнажать глубинные корни *новых типов мышления*, способных

ставить «взрывы» творческого сознания на службу воспроизводства условий жизни и утверждения длительности как времени цивилизации.

Утверждение биокультуры как всеохватывающей формы цивилизационного бытия открывает пути формирования *константных оснований цивилизации*, которые уже не могут «выходить из моды». Выявление реальных констант цивилизационного бытия — это знак истинного мышления. Исторически философская мысль искала исходные константные принципы истинного мышления применительно к принятию цивилизационных решений.

Классическая философия, например в лице Иммануила Канта, показала, что в условиях признания априорных универсальных принципов морали и разума возможно достижение состояния *вечного мира*. Казалось, что безусловный приоритет морали и разума, а значит, и последовательность обоснованных решений должны обеспечить нормальную цивилизационную эволюцию человечества.

Жизнь, однако, опрокинула рассудочные построения, в том числе и те, которые, казалось бы, должны были привести к вечному миру на нашей планете. Вместо вечного мира человечество погрузилось в пучину разрушительной Второй мировой войны.

Возникает проблема понимания того, что произошло с человечеством и лишило его здравого смысла. И как следует понимать цивилизационную мудрость?

К войне до «самого конца» влекут человека его собственная *страсть* и видение *конечной цели истории*. Поскольку такие видения оказываются разными, то конец истории может обрести свой *досрочный результат*.

Это происходит потому, что в качестве конечной цели истории предлагается цель какой-либо *части* человечества, а не человечества в целом. Истинной константной целью истории может быть только цель человечества как целого. Сегодня эта постоянная цель обретает свою видимую историческую форму. Такой постоянной, а значит, конечной целью истории становится глобальная пастораль, как процесс, который предполагает, во-первых, включение производства как действия техники в *качестве составной части природного кругооборота*, не создавая угроз его самодеструкции; во-вторых, ориентацию на формирование глобального

субъекта, возникающего в результате гармонизации и синхронизации поведения стран и народов.

Проблема заключается в том, что ничто не может заставить человека двигаться этим правильным путем. Напротив, его непосредственные ближайшие интересы толкают на «проверенный путь» с его ограниченными цивилизационными горизонтами.

Чтобы встать на правильный путь, человек должен добиться самоидентификации с каждым «другим». И эту духовную операцию должен проделать каждый. Только так может родиться самоидентификация как реальное основание всеобщего утверждения норм универсального права и нравственного закона. В этом смысле человек должен одержать победу над самим собой. Будущее покажет, сможет ли человек выиграть эту самую важную в жизни современной цивилизации битву.